

УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-46-52

Алексей Александрович Строков,*Нижегородская академия Министерства внутренних дел России**(г. Нижний Новгород, Россия),**e-mail: dr.isl@yandex.ru*

Социальные проявления цифровой культуры

Актуальность работы обусловлена активным распространением цифровой культуры, которая, несомненно, оказывает возрастающее воздействие на социальные процессы во всех областях человеческой жизни. Отметим, что характер этого воздействия носит весьма противоречивый характер. С одной стороны, развитие цифровых технологий оценивается как прогрессивный шаг к открытому, глобальному обществу, опирающемуся на общность целей и ценностей. С другой – имеет место критика процессов цифровизации, ведущих к манипуляции сознанием, утрате человеком собственного «Я», кризису идентичности. Технологические инновации следует рассматривать как процесс «творческого разрушения» и одновременно созидания. В связи с этим технологические достижения и разработки неизбежно влекут за собой разного рода конфликты и проблемы. Для их разрешения необходимо понимать особенности осуществляемых инноваций, их социальные проявления. Новизна работы заключена в обосновании особенностей цифровой культуры современного российского общества через динамику её воздействия на социальные явления и процессы. Цель исследования – определение социальных проявлений цифровой культуры. Для достижения поставленной цели использованы методы диалектики социального познания, анализа философской литературы, синтеза и моделирования социально-культурных процессов. Результатом исследования стали выводы о развитии следующих особенностей общества, приобщающегося к цифровой культуре: технологическая зависимость, появление особого языка общения, упрощение форм социальной и личной жизни человека, программируемость человеческого поведения, формализация коммуникационных процессов, ослабление их этического содержания, преобладание клипового мышления, визуального восприятия мира, углубляющийся разрыв с традициями гуманитарной культуры.

Ключевые слова: культура, цифровая культура, цифровизация, человек, социальные проявления культуры

Aleksey A. Strokov,*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry**of Internal Affairs of Russia**(Nizhny Novgorod, Russia),**e-mail: dr.isl@yandex.ru*

Social Manifestations of Digital Culture

The relevance of the work is due to the active spread of digital culture, which undoubtedly has an increasing impact on social processes in all areas of human life. Note that the nature of this impact is highly controversial. On the one hand, the development of digital technologies is assessed as a progressive step towards an open, global society based on common goals and values. On the other hand, there is criticism of the processes of digitalization that lead to manipulation of consciousness, the loss of a person's own "I", and the crisis of identity. Technological innovation should be seen as a process of "creative destruction" and, at the same time, creation. In this regard, technological advances and developments inevitably entail various kinds of conflicts and problems. To resolve them, it is necessary to understand the specifics of ongoing innovations and their social manifestations. The novelty of the work lies in the substantiation of the features of the digital culture of modern Russian society through the dynamics of its impact on social phenomena and processes. The purpose of the research is to determine the social manifestations of digital culture. To achieve this goal, we used methods of dialectics of social cognition, analysis of philosophical literature, synthesis and modeling of socio-cultural processes. The results of the research are conclusions about the development of the following features of a society that is becoming attached to digital culture: technological dependence, the appearance of a special language of communication, simplification of forms of social and personal life, programmability of human behavior, formalization of communication processes, weakening of their ethical content, the predominance of clip thinking, visual perception of the world, and a deepening gap with the traditions of humanitarian culture.

Keywords: culture, digital culture, digitalization, human, social manifestations of culture

Введение. Культура на каждом этапе своего развития является показателем состояния общества и процессов, в нём происходящих. Будучи результатом человеческой деятельности, она образует совокупность характерных для каждого типа обществ знаний, процессов овладения ими, способов

социальной коммуникации, значимых и социально одобряемых норм, основополагающих ценностей и способов их реализации. В культуре находит воплощение доминирующее отношение человека к миру, особенности его активности в познании мира и самого себя. Культура содержит способы твор-

© Строков А. А., 2020

ческой самореализации личности, она предлагает своим носителям смыслы бытия, их соотношение со смыслами индивидуальной человеческой жизни, видение места и роли личности в общем миропорядке. Культура является смыслонесущим и смыслопередающим феноменом общественных отношений, объединяющим людей общей системой ценностных ориентиров. Она содержит символическое измерение социальных событий, позволяющее индивидам понимать окружающий мир, совершать поступки, находящие одобрение со стороны других людей, передавать свой опыт следующим поколениям.

Культура как характеристика общества содержит совокупность духовных приоритетов, обеспечивающих социальный прогресс, а также материальные средства, способствующие достижению общественного блага. В этой связи, характеристика общественных изменений посредством состояния культурного развития общества является чрезвычайно сложной задачей, связанной с необходимостью определения и описания как новых явных (явленных) вещей и процессов, с ними связанных, так и скрытых (духовных), определяющих ценности и смыслы всех нововведений. В современном мире мы наблюдаем «поверхностный» вариант рассмотрения динамики культурных процессов, как более доступный, ориентированный на убеждение в исключительной роли роста технологических средств в социальном развитии.

Одной из характеристик динамики современной культуры является цифровизация. На наш взгляд, развитие процессов цифровизации знаменует новый этап в судьбе человечества. На этом этапе роль техники безмерно возрастает, а человек утрачивает свою былую роль главного инициатора и двигателя общественного прогресса. Новый социотехнологический уклад жизни лишает человека самой возможности что-либо решать без инновационных технологий и даже само их появление выходит у него из-под контроля. Очевидно, что эти процессы подводят человечество к определённой черте, за которой уже прорисовывается принципиально новый мир, основания которого в настоящее время требуют глубокого нами осмысления.

Методология и методы исследования. Исследование опирается на теоретические положения российских и зарубежных учёных в области философии культуры и философской антропологии, социальной философии. В работе применены системный и диалектический подходы. Они определены целью и задачами философско-культурологического подхода к исследованию проблемы цифровизации в условиях развития

современного общества и повсеместного внедрения новых информационно-коммуникативных технологий. Применение метода восхождения от абстрактного к конкретному осуществляется в концептуально обоснованном использовании моделей технократического общества, в анализе новых форм культуры и неоднозначных в своём развитии человеческих качеств, возникающих под влиянием новационных форм организации и реализации цифровых реформ. Последствия фрагментарности с одной стороны и синкретизма современных культурных процессов, с другой, в их комплексном воздействии на процессы социализации личности раскрываются в использовании сравнительного и системного методов. Более того, использование этих методов способствует исследованию содержания и направленности культурных процессов под углом зрения необходимости обеспечения единства традиционного и инновационного.

Введение в проблематику философско-культурологического подхода к исследованию роли цифровых технологий в формировании образа культуры будущего, связанную с необходимостью теоретических обобщений и практической реализации управления процессами цифровизации применительно к новым условиям цивилизационного развития общества, опирается на использование междисциплинарного подхода.

Недостаточная изученность особенностей влияния цифровой культуры и социальных последствий её развития, необходимость гармонизации природы человека и новых моделей формирования его личностных качеств соответствуют методологическому принципу системного подхода к проблеме нашего исследования.

В работе использованы методы анализа научной литературы, относящейся к исследуемой проблеме; индукция и дедукция, сравнение, синтез и моделирование социально-культурных процессов. Принципы объективности, системности и историзма выступают в качестве ключевых философско-методологических принципов исследования.

Результаты исследования и их об-суждение. Цифровизация, по мнению учёных, объёмлет собой производство, бизнес, науку, социальную сферу и обычную жизнь граждан, что обуславливает необходимость подготовки каждого члена общества к взаимодействию с цифровым пространством. Развернувшиеся в обществе процессы формируют новый тип культуры современных людей – цифровая культура. Это понятие всё чаще используется для характеристики современного общества [15; 19]. Новая культура, отмечают исследователи, образует цельную совокупность средств коммуника-

ции, технических устройств, программ, кодов и паролей, формальных и неформальных правил поведения, культурных символов, которые делают возможной и структурируют активность людей в сети Интернет, обеспечивая эффективный доступ к созданию, передаче и получению информации [17].

Важно отметить, что это один из многообразия существующих типов культуры и, будучи явлением временным, т. е. вызванным изменчивыми условиями эпохи, он должен проявить свой позитивный потенциал в нахождении единства с цельной системой национальной культуры, реализуя в себе её базовые ценности и обогащая её своими возможностями.

В целом с культурой мы связываем всё лучшее из созданного человеком, «то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации» [8, с. 9]. «Лучшее» – это категория оценочная. Она побуждает в процессе анализа новых культурных явлений опираться на аксиологический подход [18]. Таким образом, цифровое как культурное может быть понято только в контексте соотношения с ценностями национальной культуры.

М. Кастельс отмечал, что новую систему коммуникаций, основанную на цифровой, сетевой интеграции множества видов коммуникации, характеризует её включение и охват ею всех проявлений культуры. «Но цена включения в систему – это адаптация к её логике, к её языку, к её точкам входа, к её кодированию и декодированию» [6, с. 352–353]. Важно, чтобы в этих процессах были правильно расставлены акценты – «цифра» была включена в логику культуры, а не наоборот – культуру подчинили «цифре».

Ж. Бодрийяр утверждал, что машина является эквивалентом человека, и в качестве такового она включает его в себя, в единый операциональный процесс. «Нет больше ни сходства ни несходства, – писал философ, – ни Бога ни человека – только имманентная логика операционального принципа» [2, с. 121].

Попытки интегрировать национальную культуру в границы цифровых явлений влекут неизбежные изменения языка культуры, способов коммуникации, значительно ослабляют «символическую власть традиционных отправителей сообщений» – религии, морали, авторитета, традиционных ценностей [2, с. 353]. Это ведёт к разрушению культуры, если только она не находит возможности для передачи культурных кодов новым элементам системы.

Так, ещё в прошлом веке С. Н. Булгаков выражал обеспокоенность необдуманном искажением основ национальной культуры в угоду веяниям времени. В своей работе «Философия имени» он пишет о кризисе

русского языка, попавшего под пресс развернувшихся процессов механизации культуры, созидания культуры нового образца. Философ отмечал, что «...что теперь “куются” совсем новые слова: например, все эти богомерзкие совдепы, викжели, земгоры и т. п. Однако... такие слова-манекены становятся вампирами, получают свою жизнь, своё бытие, силу» [3, с. 48]. Если в XX в. С. Н. Булгаков писал о механическом письме, то в настоящее время его идеи можно использовать при анализе элементов электронно-цифровой культуры.

В целом важно отметить, что человек, созидая культуру, меняет и самого себя. Технологичность культуры порождает технологичность в человеке, утрату им человеческого, отличающего от всего иного мира. Так, М. Маклюэн писал: «...новая технология наделена силой гипноза именно потому, что способна обособлять или изолировать чувства... любая новая технология сводит к минимуму взаимодействие чувств и сознания именно в той области нового, где происходит своего рода отождествление наблюдателя и объекта» [9, с. 465]. Изменения языка, знаний, ценностей влекут за собой изменения в самом человеке, корректируют требования, обращённые к нему со стороны общества.

П. Бергер и Т. Лукман отмечали следующее: «В диалектике природы и социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм. В той же диалектике человек творит реальность и тем самым творит самого себя» [1, с. 295]. Таким образом, можно признать, что, сотворив цифровое пространство своей жизнедеятельности, человек стал носителем его неотъемлемых свойств, которые находят воплощение в образе мыслей, действий, физическом и психологическом состоянии людей. Социальные проявления погружения человека в цифровой мир становятся главными источниками осмысления характера формирующейся цифровой культуры.

Человек, став частью технологических процессов, перенял и логику их существования, передав свою природную свободу программируемости действий. Как и машина, человек ожидает «включения», «команды» для начала процесса деятельности, ему необходим чёткий алгоритм, программа поведения и постоянный контроль за функционированием. Во многом именно так выстраиваются современные общественные отношения, а развитие технологических ресурсов всё более усиливает управляемость человеческими поступками и мышлением. Так, В. А. Лекторский считает, что «информационно-коммуникационные технологии (интернет, сотовая связь, телевидение), с одной стороны, открывают новые перспек-

тивы для человеческого развития, но с другой – делают человека всё более уязвимым для разного рода воздействий, создают мощные каналы для манипуляции сознанием. Граница личного и публичного пространства всё более размывается» [14, с. 7].

Г. Маркузе писал о том, что в современном мире «заданность» индивида, его превращение в объект управления становится повсеместным явлением [10, с. 534]. Ж. Бодрийяр также утверждал развитие этих новых для общества тенденций, переход к «кибернетическому неокapитализму», ориентированному на абсолютный контроль. Ж. Бодрийяр характеризует развитие человечества как длительный процесс, в котором один за другим «умерли Бог, Человек, Прогресс, сама История, уступив место коду» [2, с. 130].

Многообразии потребностей человека представляется лишь предлагаемым извне набором разнообразных благ и услуг. Сумма данных потребностей формируется для индивида, но не определяется им самим. Всё очевиднее становится то, что человек массы (Х. Ортега-и-Гассет), одномерный человек (Г. Маркузе) трансформируется в человека программируемого.

В технологичном мире человек теряется в потоке быстро возникающей и передаваемой информации. Он уже не успевает её осмыслить, определить в этом потоке главное, правильное, действительно имеющее значение. Таким образом, человек становится зависимым от уже закодированных в информации моделей поведения, которым нужно лишь следовать. Сама потребность в самостоятельности выбора, принятия решения исчезает. А. Н. Фортунатов пишет, что «...человек, создавая рационально-технократическое информационное поле, оказывается в нём одинок и ограничен в своих знаниях, поскольку процесс его идентификации с миром на основе знаний о нём сменился усвоением конкретных интерпретационных моделей, многоступенчатых комбинированных “сильных” и “слабых” смыслов, выступающих в роли сиюминутных идеологем...» [13, с. 171]. Это подчёркивает манипулятивный потенциал цифровой культуры, который, если признать его право на существование, требует позитивных ценностных оснований своего воздействия на социум и новых интеллектуальных усилий человечества по отстаиванию своего «Я» в навязываемых алгоритмах действий.

Социальным проявлением цифровой культуры становится изменившийся характер коммуникаций. В общении появился мощный соперник человека – машина. Она всё удобней в пользовании, всегда может быть при себе, по желанию включается и выключается. Этой машине человек ничего

не должен, она не предполагает этических обязательств, с ней чаще проще, чем с человеком. Эта простота коммуникаций и становится привлекательной стороной цифровой культуры. Между тем, Ш. Тёркл отмечает, что, когда способ квазисинхронной континуальной коммуникации с помощью, например, смартфонов постепенно становится санкционированной социальной нормой, способность к глубинному и содержательному общению снижается. Ш. Тёркл пишет: «Когда коммуникативные обмены переформатируются под формат небольшого экрана и сводятся к эмоциональной стенографии смайликов, это приводит к неизбежным упрощениям коммуникации» [20, с. 143, 149].

С. Бродбент, в свою очередь, отмечает, что опосредованные техническими средствами коммуникации иницируют процессы приватизации и индивидуализации человеческой жизни [16, с. 129]. Утрачиваются естественные социальные связи, их замещают искусственные. При этом искусственность заключена не только в способах организации коммуникационных процессов, но и в их сущности, где культурная определённость заменяется на технологическую программируемость. Смайлики вместо слов, СМС-сообщение вместо личного поздравления на День рождения, шаблонные картинки в мессенджерах создают иллюзию человеческих отношений, в которой сама ценность этих отношений исчезает.

О нестабильности связей, их формализации, фрагментации в сетевом пространстве аргументированно пишут Л. Б. Зубанова и Н. Л. Зыховская. Они отмечают в связи с этим возникновение особого способа объединения, консолидации пользователей цифровых технологий, обозначаемой данными исследователями как «транзитная солидарность». В таком типе социальной солидарности современной сетевой культуры значимым становится обозначение единства и сплочённости, а не их непосредственная реализация [5, с. 120, 125]. Дружить по интернету без всяких физических и духовных усилий, выставлять «лайки» в поддержку себе подобных, а не оказывать реальную поддержку – как это упрощает человеческие отношения, упрощает и самого человека.

С. А. Ветров и Д. В. Конишевский дают следующую характеристику такому человеку: «Современный человек, не имеющий завета с Богом, прагматичный в своих мыслях и поступках, освобождённый от ответственности, конструирующий истину, лелеющий свою индивидуальность и персональный комфорт, строящий позитивные для себя коммуникации, но не создающий среду, благоприятную для сохранения и развития человечности, превращается в односложный социальный атом» [4, с. 70].

Эта односложность проявляется в различных качествах современного человека. Так, В. С. Степин отмечает у молодого поколения клиповое сознание, а люди, – утверждает философ, – носители клипового сознания оказываются легко манипулируемыми. Он пишет, что современная молодёжь плохо «держит мысль» [12, с. 371–372].

С. А. Коршунова выделяет культуру «цифровой молодёжи» как новую молодёжную субкультуру. Исследователь утверждает, что открытость и доступность информации делает молодёжь более не зависимой от взрослых; молодёжь формирует свой язык общения; основные поведенческие тренды рождаются в интернете; поколение Z – визуалы с развитым клиповым мышлением; цифровое поколение ориентируется на ценности индивидуализма – отсюда ощущение своей уникальности, желание популярности; главные страхи молодёжи – страх одиночества, неуверенности в своих коммуникативных способностях [7, с. 79–80].

Исследовательский коллектив под руководством Е. П. Савруцкой приходит к следующим выводам: «Новые поколения молодых людей – это дети новой реальности, формирующиеся в условиях новой языковой картины мира, новых условий и форм коммуникативного взаимодействия. В реальной практике их жизнедеятельности всё меньше остаётся кодов повседневности, благодаря которым осуществляется связь поколений, осознание нерасторжимого единства своего “Я” с историко-культурными корнями родной земли и народа...» [11, с. 72].

Цифровая культура формирует новые социокультурные смыслы и ценности. В ней находят развитие коммуникации виртуального типа, где потоки фрагментарной информации разрушают традиционные формы идентификации личности. Так, в услови-

ях глобальной технологизации своей жизни человек оказался в положении внешнего комфорта, обусловленного преимуществами цифровых технологий, и внутреннего дискомфорта, связанного с ростом проблем самоидентификации в быстро меняющемся контексте культуры.

Заключение. Таким образом, можно обобщить социальные проявления цифровой культуры, отметив следующие характеристики: технологическая мощь, привлекающая скоростями получения и передачи информации, упрощением форм социальной и личной жизни человека; появление особого языка общения, без чего невозможна особая культура; программируемость человеческого поведения, его зависимость от цифровых кодов; формализация и фрагментация коммуникационных процессов, ослабление их этического содержания, замкнутость человека в проблематике личного комфорта; преобладание клипового мышления, визуального восприятия мира; технологизм, проникающий и в сферу человеческих отношений, углубляющийся разрыв с традициями гуманитарной культуры. Данные выводы направлены на решение практических вопросов, связанных с реализацией государственной политики цифровизации различных сфер общественных отношений. Они могут способствовать координации усилий учёных, политиков, институтов гражданского общества по социально-экономическому и культурному развитию нашего общества. Полученные результаты позволяют более объективно и осмысленно подойти к фундаментальным проблемам управления культурной политикой современного общества. Они призваны стимулировать создание новых форм культуры на основе приоритетов гармонизации национальных особенностей культуры и специфики мировых техно-научных процессов.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Академия-Центр: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 4-е изд. М.: Добросвет: КДУ, 2011. 392 с.
3. Булгаков С. Н. Философия имени. СПб.: Наука, 1999. 447 с.
4. Ветров С. А., Конишевский Д. В. Цифровой двойник – воплощение // *Alma mater. Вестник высшей школы*. 2019. № 5. С. 69–72.
5. Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л. Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой // *Социс*. 2019. № 5. С. 119–128.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
7. Коршунова С. А. Трансформация современной молодёжной субкультуры в условиях развития цифрового общества // *Alma mater. Вестник высшей школы*. 2019. № 6. С. 77–81.
8. Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.
9. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. Изд. 2-е. М.: Акад. Проект: Гаудеамус, 2013. 496 с.
10. Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб.: Владимир Даль, 2000. 541 с.
11. Современный мир и молодёжь: ценности, риски, угрозы: монография / под общ. ред. Е. П. Савруцкой. Н. Новгород: НГЛУ, 2019. Т. 1. 268 с.

12. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
13. Фортунатов А. Н. Медиареальность: в плену техногуманизма. Н. Новгород: ННГУ, 2009. 212 с.
14. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 5–35.
15. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.
16. Broadbent S. Approaches to Personal Communication // Digital Anthropology / H. A. Horst, D. Miller (eds.). London: Berg, 2012: Pp. 127–146.
17. Gryaznova E., Kozlova T., Sulima I. Forming and realizing a pedagogue's philosophical culture // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication-TOJDAC. 2018. September Special Edition. Pp. 2136–2142.
18. Ivashevsky S. L. Education and ideology // Russian education and society. 2011. No. 6. Pp. 42–48.
19. Negroponte N. Being Digital, First Vintage Books. URL: <http://www.governance40.com/wp-content/uploads/2018/12/Nicholas-Negroponte-Being-Digital-Vintage-1996.pdf> (дата обращения: 20.03.2020). Текст: электронный.
20. Turkle S. Alone Together: Why we expect more from technology and less from each other. New York: Basic Books, 2011. 384 p.

Статья поступила в редакцию 20.04.2020; принята к публикации 10.06.2020

Сведения об авторе

Строков Алексей Александрович, старший преподаватель-методист, Нижегородская академия Министерства внутренних дел России; 603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3; e-mail: dr.isl@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0704-3428>.

Библиографическое описание статьи

Строков А. А. Социальные проявления цифровой культуры // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 46–52. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-46-52.

References

1. Berger, P., Lukman, T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. M: "Academia-Center", "Medium", 1995. (In Rus.)
2. Baudrillard, J. Symbolic exchange and death. 4th ed. M: "Dobrosvet", "Ed. "KDU", 2011. (In Rus.)
3. Bulgakov, S. N. Philosophy of the name. Saint Petersburg: Nauka, 1999. (In Rus.)
4. Winds, S. A., Kanishevsky, D. V. Digital double – the embodiment of Alma mater. Bulletin of the higher school, no. 5, pp. 69–72, 2019. (In Rus.)
5. Zubanova, L. B., Zykhevskaya, N. L. Transit solidarity in modern network culture: between carnival and trauma. Socis, no. 5, pp. 119–128, 2019. (In Rus.)
6. Castels, M. Information age: economy, society and culture. M: Nigher school of Economics, 2000. (In Rus.)
7. Korshunova, S. A. Transformation of modern youth subculture in the conditions of digital society development. Alma mater. Bulletin of the higher school, no. 6, pp. 77–81, 2019. (In Rus.)
8. Likhachev, D. S. Russian culture. M: Iskusstvo, 2000. (In Rus.)
9. McLuhan, M. Gutenberg's Galaxy: The formation of the printing man. M: Academic Project; Gaudeamus, 2013. (In Rus.)
10. Marcuse, G. Reason and revolution. Hegel and the formation of social theory. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2000. (In Rus.)
11. Modern world and youth: values, risks, threats. Savrutskaya, E. P., editor. N. Novgorod: NGLU, 2019. (In Rus.)
12. Stepin, V. S. Civilization and culture. St. Petersburg: Spbgup, 2011. (In Rus.)
13. Fortunatov, A. N. Mediareality: in the captivity of technohumanism. N. Novgorod: NNSU, 2009. (In Rus.)
14. Human subjectivity in the light of modern challenges of cognitive science and information and cognitive technologies. Materials of the "round table". Questions of philosophy, no. 10, pp. 5–35, 2016. (In Rus.)
15. Schmidt, E., Cohen, J. A new digital world. How technologies change people's lives, business models and the concept of the state. M: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. (In Rus.)
16. Broadbent, S. Approaches to Personal Communication. In: Horst N. A., Miller D. (eds.) Digital Anthropology. London: Berg, 2012: 127–146. (In Engl.)
17. Gryaznova, E., Kozlova, T., Sulima, I. Forming and realizing a pedagogue's philosophical culture. The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication-TOJDAC, September 2018, Special Edition, pp. 2136–2142 (In Engl.)
18. Ivashevsky, S. L. Education and ideology. Russian education and society, no. 6, pp. 42–48, 2011. (In Engl.)
19. Negroponte, N. Being Digital, First Vintage Books. Web. 20.03.2020. <http://www.governance40.com/wp-content/uploads/2018/12/Nicholas-Negroponte-Being-Digital-Vintage-1996.pdf> (In Engl.)

20. Turkle, S. Alone Together: Why we expect more from technology and less from each other. New York: Basic Books, 2011. (In Engl.)

Received: April 20, 2020; accepted for publication June 10, 2020

Information about author

Strokov Aleksey A., Senior Teacher-Methodologist, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 3 Ankudinovskoe sh., Nizhny Novgorod, 603950, Russia; e-mail: dr.isl@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0704-3428>.

Reference to the article

Strokov A. A. Social Manifestations of Digital Culture // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 4. PP. 43–52. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-43-52.
